

18+

ВЕЧНЫЙ ГОСТЬ

АВТОР – СВЕТЛАНА НИЛЬС

Светлана Нильс

Вечный гость

«Издательские решения»

Нильс С.

Вечный гость / С. Нильс — «Издательские решения»,

Вечный гость Бухарест. Дождь. Кофе с солью. Кай — частный детектив, чья жизнь давно превратилась в руины. Мать-тиран, таблетки, долги и трещина на потолке — вот и всё, что у него осталось. Влад — древний вампир, потерявший любимую миллионы лет назад. Он меняет тела как перчатки, но нигде не может найти покоя. Их встреча не была случайной. Вселившись в тело Кая, Влад надеялся на временное убежище. Но вместо руин он увидел живую душу, способную на большее.

© Нильс С.

© Издательские решения

Содержание

— — Пролог. Вечный голод	6
Он не помнил, когда это началось	7
# Глава 1. Чужой сон	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вечный гость

Светлана Нильс

© Светлана Нильс, 2026

ISBN 978-5-0069-7464-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— — Пролог. Вечный голод

Он не помнил, когда это началось

Было время — он был человеком. Обычным, смертным, с тёплой кровью в жилах и страхом смерти в глазах. Но то время стёрлось, как старая фреска под дождём. Остались только обрывки: лицо матери, запах сена, чьи-то руки на плечах. Имя, данное при рождении, он забыл первым.

А потом пришла ****тьма****.

Он не выбирал её — или выбрал, но уже не помнил. Помнил только первый глоток — тёплый, солёный, живой. И голод, который с тех пор никогда не отпускал до конца. Голод — его вечный спутник, его проклятие и его сила.

Он стал вампиром.

Но не таким, о которых пишут в книгах. Его не жгло солнце — потому что он научился менять тела как перчатки. Солнце жгло только ту оболочку, в которой он находился в данный момент. А он просто перепрыгивал в другую, когда старая начинала тлеть. Иногда — в человека, иногда — в зверя. Один раз — даже в дерево, но дерево не могло пить кровь, и он чуть не сошёл с ума от голода, запертый в коре и ветвях на сто лет. Ветры выли в его кроне, птицы вили гнёзда в его ветвях, а он не мог даже пошевелиться — только чувствовать, как солнце жжёт листву, и считать годы.

Он научился выбирать.

Тела животных давали силу и скорость, но лишали разума. Он помнил тело волка — упругая мышца под шкурой, запах крови в морозном воздухе, луну, разорванную на куски ветками деревьев. Лес. Тот лес он помнил ярче всего — хвойный, северный, где снег скрипит под лапами, а глаза светятся в темноте. Он был вожаком. Он убивал, чтобы жить. Он был на луну, и это был единственный язык, который понимала вселенная.

Но ни в одном теле, ни в одном мире он не находил покоя.

Потому что он искал ****Её****.

— —

Лера.

Она была человеком. Самой обычной женщиной с тёплыми руками и смехом, от которого у Влада когда-то остановилось сердце. Она не боялась его. Она узнала в нём не монстра, не голод, не тьму — а мужчину. И полюбила. И он, впервые за тысячелетия, почувствовал себя живым не через чужую кровь, а через её взгляд.

Она умерла.

Просто, по-человечески, нелепо — болезнь, больница, пустая кровать. А он не успел. Не смог. Не нашёл способа её спасти. Он держал её руку, когда она уходила, и чувствовал,

как её кровь — та самая, тёплая, живая — остывает в её венах. И впервые за свою долгую, бесконечную жизнь он захотел умереть сам.

Но вампиры не умирают от горя.

Они ищут.

Он решил, что найдёт её в других мирах. Он думал, что души не исчезают. Что она где-то есть — переродилась, ушла в иную реальность, ждёт его. Он искал её в телах воинов и нищих, в глазах женщин на базарах и в плаче новорождённых. Один раз ему показалось — он встретил её в теле старухи, умирающей на руках, и держал её, пока та не испустила дух. Но это была не она. Просто похожие глаза.

Он стал охотником за призраками. Вечным странником.

Где ты, Лера?

Пустота не отвечала. Она только несла его дальше.

— —

Потом были другие тела.

Тело камня на берегу океана — вечность приливов и отливов, холод и соль, и мысли, тягучие, как смола. Тело коня в монгольских степях — ветер в гриве, топот копыт, кровь врага на зубах. Тело нищего в средневековом городе — грязь, болезни, быстрая смерть от ножа в переулке. Тело женщины в гареме — шёлк, золото, и тоска по свободе, которую он не мог даже объяснить, потому что никто не понимал его языка.

Каждый раз — новая жизнь. Каждый раз — смерть. И снова — падение. И снова — поиск нового тела. Иногда он выбирал сам. Иногда его толкали. Иногда он просто падал туда, куда несла пустота.

Кровь питала его тело. Надежда питала его душу.

И каждый раз, входя в новое тело, он шептал одно и то же:

— *Лера, я иду. Держись. Я найду тебя.*

— —

Сейчас пустота несла его вниз.

Он видел город — старый, европейский, с черепичными крышами и шпилями, с узкими улочками и широкими проспектами. Бухарест. Он узнал его по картинкам из чужих снов. Город контрастов — дворцы и трущобы, уют и запустение, свет и тень. Город, где прошлое вцепилось в настоящее мёртвой хваткой и не отпускает.

Он падал в одно конкретное тело. Слабое. Уставшее. Хрупкое.

Он чувствовал его запах за километры — таблетки, кофе, одиночество. И ещё что-то... что-то знакомое. Едва уловимый след. Не Лера, нет. Но что-то, что может привести к ней.

Влад усмехнулся в пустоте (мыслью, не губами):

— Ну, здравствуй, Кай. Давно не был человеком. Тем более — таким... Посмотрим, что ты прячешь в своих снах.

Он рванул вниз — быстрее, чем свет, быстрее, чем смерть.

И провалился в темноту.

— —

В маленькой квартире на улице Липскань, в старом районе Бухареста, человек по имени Кай застонал во сне и перевернулся на другой бок.

На потолке, прямо над его кроватью, трещина в штукатурке стала чуть длиннее.

За окном выла собака.

Или волк.

— —

Глава 1. Чужой сон

Часть 1. Утро. 6:47.

Кай проснулся не от будильника — от собственного сердца.

Оно колотилось где-то в горле, хотя он ещё не сделал ни движения. Просто организм решил, что утро — это стресс, и включил режим паники на всякий случай. Глухой стук в висках, сухость во рту, противная дрожь в кончиках пальцев.

Он полежал с минуту, глядя в потолок.

Потолок в его квартире был старый, с трещиной, которая тянулась от люстры к углу. Кай называл её «карта моей жизни». Трещина росла медленно, но верно. Когда он въехал сюда пять лет назад, она была длиной с ладонь. Теперь — почти в метр. Иногда Кай думал, что однажды потолок рухнет ему на голову, и это будет самый логичный финал.

Комната была маленькой — метров двенадцать, не больше. Узкая кровать у стены, продавленный диван у окна (гостевой, хотя гости бывали раз в год, да и те не оставались ночевать), письменный стол, заваленный бумагами, пустыми чашками и старыми газетами. Шкаф-купе с зеркалом, которое он всегда обходил стороной. Не любил смотреть на себя по утрам. А по вечерам — тоже не любил. В принципе, не любил смотреться в зеркала. Они всегда показывали кого-то, кого он не хотел знать.

За окном — Бухарест.

Серое небо, мокрые крыши, запах дождя и выхлопных газов. Где-то внизу ругались на улице — женщина кричала на мужчину, мужчина огрызался. Кай прикрыл глаза и представил, что он в другом месте. Где-нибудь в горах. В лесу. Там, где тихо, где пахнет хвоей и снегом, где можно просто дышать, не чувствуя, как лёгкие забиваются городской гарью.

Он никогда не был в горах.

Ни разу в жизни.

— —

Часть 2. Утренний ритуал. 7:15.

Первое, что он сделал, сев на кровати — потянулся к тумбочке. Там, на засаленной салфетке, стояла кружка с остатками вчерашнего кофе. Холодного, горького, с тёмной плёнкой на поверхности. Рядом — два пузырька.

Один с успокоительным, «для нервов». Второй — со снотворным, но снотворное он пил редко, только когда совсем не мог уснуть, а такое случалось раза три в неделю. Утром — только успокоительное. Две таблетки. Запить.

Он вытряхнул на ладонь две белые крупинки, отправил в рот, запил холодным кофе. Поморщился. Кофе был отвратительным — кислым, металлическим на вкус. Но это было привычно. Отвратительный кофе значил, что утро началось правильно.

Потом он встал и пошёл в ванную.

Холодный кафель под босыми ногами, тусклый свет лампочки без плафона. Ванная была совмещённой, тесной, с вечно капающим краном. Кай смотрел на себя в зеркало ровно столько, сколько нужно, чтобы почистить зубы и умыться. Бледная кожа, синяки под глазами, небритый подбородок с редкой щетиной. Русые волосы вечно падают на лоб, хоть заколку носи. Он никогда не нравился себе. Мать говорила: «Ты у меня красивый мальчик», но это было так давно, что могло и не сниться. Потом она перестала говорить. Вернее, говорить она не переставала никогда, но слова стали другими.

«Ты слабый. Ты без меня никто. Ты никогда ничего не добьёшься».

Он провёл рукой по лицу, словно стирая этот голос вместе с водой.

Надо бы постричься. Надо бы побриться. Надо бы много чего.

Он не постригся. Не побрился. Просто вернулся в комнату, натянул вчерашние джинсы и серый свитер с катышками на локтях, и вышел из квартиры.

— —

Часть 3. Офис. 9:15.

Офис Кая находился в старом здании на улице Липскань — историческом центре Бухареста. Когда-то, в конце девятнадцатого века, здесь кипела жизнь: магазины, рестораны, дорогие публичные дома. Теперь остались сувенирные лавки, сомнительные бары с пластиковыми столиками и такие же сомнительные частные детективы, которые берутся за любую работу, лишь бы платили.

Кабинет был на третьем этаже. Лифта не было. Каждый подъём по скрипучей лестнице, пахнувшей кошками и старой краской, отнимал у Кая силы — не столько физические, сколько моральные. Он всегда останавливался на площадке второго этажа, переводил дух и думал: «Может, сегодня наконец появится клиент, который заплатит за нормальную квартиру?»

Клиенты не появлялись.

Дверь с облупившейся краской, табличка: **«Кай. Частные расследования. Вход без стука»**. Он сам напечатал эту табличку на принтере и приклеил скотчем. Буквы уже выцвели, скотч пожелтел и отклеился по углам. Выглядело убого, но менять было лень. Да и кому какое дело?

Внутри царил уютный бардак.

Стол, два стула для посетителей (один с продавленным сиденьем), шкаф с папками, плитка для кофе. На подоконнике стоял засохший цветок в горшке. Кактус, кажется. Или не

кактус. Кай поливал его раз в месяц, но цветок упрямо не желал умирать, и это раздражало. Даже кактус цеплялся за жизнь крепче, чем он сам.

Кай сел в кресло и уставился в окно.

Дождь. Опять дождь.

Бухарест встречал его серостью сто первый день подряд.

Он подумал о матери. И сразу же пожалел об этом — внутри всё сжалось, как будто кто-то холодной рукой сдавил желудок.

Зазвонит сегодня? Обязательно зазвонит. Она всегда звонит.

Чтобы заглушить эту мысль, он встал, достал из шкафчика турку — старенькую, медную, с потемневшими боками — и насыпал кофе. Мелкого помола, как любил. Добавил щепотку соли, чтобы убрать горечь, залил водой, поставил на маленькую плитку. Пока кофе закипал, он смотрел, как поднимается пенка, и это было единственное утро, когда он чувствовал себя почти спокойно.

В чашку налил немного молока — чуть-чуть, только чтобы смягчить вкус.

Он делал так всегда, сколько себя помнил. Мать когда-то научила. Это был единственный её урок, который он не возненавидел.

Третья чашка за утро. Или четвёртая. Он сбился со счёта.

— —

Часть 4. Звонок Армоны. 10:30.

Телефон зазвонил, когда Кай допивал третью чашку.

Он посмотрел на экран и почувствовал, как внутри всё оборвалось. Короткое, ёмкое «мама» высветилось на дисплее.

Он взял трубку. Другого выбора у него никогда не было.

— Кай. — Голос Армоны звучал ровно, холодно, без приветствия. Она никогда не говорила «привет» или «доброе утро». Сразу входила в суть, как нож в масло. — Ты почему не позвонил вчера?

— Я... закрутился, мам.

— Закрутился. — Она произнесла это слово так, будто оно было ругательством. — Чем именно? Опять сидел в этой своей дыре и смотрел в стену?

— Я работаю, мам. У меня есть дела.

— Работает. — Пауза. Длинная, тягучая, как патока. — Слышала, к тебе никто не ходит. Соседи говорят, у тебя клиентов нет месяцами.

Соседи. Она созванивалась с соседями. Конечно. У неё везде были свои люди, свои глаза и уши. Кай закрыл глаза и прислонился затылком к спинке кресла.

— Всё нормально, мам. Есть пара заказов. Мелких, но есть.

— Кай. — Голос стал мягче, но от этого ещё страшнее. Когда Армона говорила мягко, это значило, что она готовится нанести главный удар. — Я волнуюсь за тебя. Ты сам не свой. Ты плохо ешь, плохо спишь, вечно в этих своих таблетках. Ты же без меня пропадёшь. Ты понимаешь?

— Понимаю, мам.

— Когда приедешь?

— На неделе.

— Ты так говоришь уже месяц. — Вздох. Тяжёлый, полный разочарования. — Ладно. Я позвоню. И Кай...

— Да, мам?

— Будь осторожен. Ты такой впечатлительный. Люди вокруг злые.

— Хорошо, мам.

— Я люблю тебя. Ты же знаешь.

— Знаю, мам.

Она повесила трубку.

Кай сидел неподвижно ещё минут пять, глядя на тёмный экран телефона. Потом аккуратно положил его на стол, встал, подошёл к окну. Дождь усилился. Капли стекали по стеклу, искажая город за окном, превращая его в абстрактную картинку.

Люди вокруг злые.

Он знал это лучше, чем она.

Он вернулся к столу, налил себе кофе — уже четвёртую чашку — и достал из ящика пузырёк с таблетками. Одну. Вторую. Проглотил, не запивая, просто сухими, чувствуя, как горькая крошка царапает горло.

Полегчало.

Или показалось.

— —
Часть 5. После обеда. Расследование. 14:30.

Кай взял дело, которое вёл последние две недели — слежка за неверным мужем.

Заказчица, полная женщина в норковой шубе, несмотря на осень, заплатила аванс и требовала «железных доказательств». Муж, коммерсант средней руки, каждую среду и пятницу исчезал с работы на пару часов. Кай уже собрал несколько фотографий, но этого было мало — нужны были поцелуи, объятия, явное подтверждение измены.

Муж был осторожен. Встречался с любовницей только в машине, в тёмных переулках старого города, где фонари горели через один. Кай сидел в своём старом «Рено» (2005 год, водительская дверь не закрывалась до конца, так что приходилось приматывать её верёвкой) и ждал.

Дождь барабанил по крыше. Фотоаппарат с длинным объективом лежал на пассажирском сиденье, прикрытый тряпкой. Кай пил кофе из термоса (пятый за день, или шестой — он сбился со счёта) и курил, хотя старался бросить.

Таблетки уже начали действовать — или кофеин давал обратный эффект. В голове было туманно, слегка сонно, но при этом тело вибрировало от внутреннего напряжения. Кай смотрел на тёмный переулок и думал о матери.

Он всегда думал о матери, когда оставался один.

Её голос звучал в голове даже сейчас, заглушая шум дождя и редкие звуки проезжающих машин: *«Ты слабый. Ты без меня никто. Ты никогда ничего не добьёшься»*.

Он знал, что это неправда. Где-то глубоко, на самом дне души, он знал, что он не слабый, что он просто устал, что он просто... застрял. Но голос был громче.

Голос матери всегда был громче всего.

Он достал ещё одну таблетку. Просто чтобы заглушить.

— —
Машина любовников появилась около пяти. Тёмный седан припарковался в тени, фары погасли. Кай навёл объектив, щёлкнул несколько раз — вот они, силуэты, вот она, женщина, наклоняется к мужчине, вот поцелуй.

Он опустил фотоаппарат и вдруг почувствовал странное головокружение. Мир качнулся, поплыл. Кай зажмурился, потёр виски.

Он открыл глаза и посмотрел в зеркало заднего вида. На миг ему показалось, что на заднем сиденье кто-то сидит. Высокий, тёмный, с тяжёлым взглядом.

Кай резко обернулся.

Никого. Только старая куртка, брошенная на сиденье, и пустые стаканчики из-под кофе.

— С ума схожу, — прошептал он.

Он завёл мотор и поехал в офис.

— —

Часть 6. Вечер. 20:15.

В офисе Кай проявил плёнку. Цифровиком он не пользовался — привык к старой технике, к запаху проявителя, к магии, когда на белой бумаге постепенно проступают лица. На трёх снимках был муж с любовницей. Чётко, крупно, доказательно.

Он положил фотографии в конверт, написал адрес заказчицы и отложил в стопку «готово».

Кофе допит. Таблетки... он не помнил, сколько выпил сегодня. Пузырёк заметно опустел.

Кай откинулся в кресле и закрыл глаза.

Дождь за окном. Редкие шаги в коридоре — кто-то из соседей возвращается домой. Где-то далеко лает собака. Странный вой, не городской, не собачий — будто волк. Но откуда в Бухаресте волки?

Кай открыл глаза и посмотрел на тени, пляшущие на стене от уличного фонаря. Ему показалось, что одна из теней слишком густая, слишком плотная. Как будто кто-то стоит прямо перед окном, закрывая свет.

Он подошёл к окну, отёрнул занавеску.

Никого. Только дождь, только мокрая улица, только редкие прохожие, спешащие по домам.

Кай постоял минуту, вглядываясь в темноту. Потом дёрнул плечом, прогоняя наваждение, и начал собираться домой.

По пути он зашёл в круглосуточную аптеку — купить ещё таблеток. «На всякий случай».

— —

Часть 7. Ночь. 2:30.

Кай лежал в кровати и смотрел на трещину в потолке.

Спать не хотелось. Вернее, хотелось, но организм отказывался выключаться — перебор с кофеином и таблетками давал обратный эффект. Он лежал и слушал, как за стеной ссорятся соседи (опять), как капает кран на кухне (надо бы починить, но лень), как где-то далеко воеет та самая собака или волк.

Он напомнил ему что-то. Что-то древнее, забытое, не его.

Почему волк? Он никогда не видел волков вживую. Только в зоопарке, в детстве, но те волки были худыми, облезлыми, жалкими. Они не выли — они скулили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.